

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 35

1984

Михаил БЕЛЯЕВ

**БРОННИК
ДРЕВНИХ ЛИВЕН**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

Михаил БЕЛЯЕВ

**БРОННИК
ДРЕВНИХ ЛИВЕН**

СТИХИ

Михаил БЕЛЯЕВ

Михаил Александрович Беляев родился в крестьянской семье в деревне Пушкарово Ливенского района Орловской области, потом жил с родителями в Донбассе, в Кадиевке и Дмитрове.

Окончил ремесленное училище угольщиков, работал в шахтах, учился в индустриальном техникуме в городах Енакиево и Рубежное. Служил в авиации на Дальнем Востоке. Строил по комсомольской путевке Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лужниках. После окончания Литературного института имени А. М. Горького работал редактором на киностудии «Мосфильм». Будучи студентом, Михаил Беляев выпустил книгу стихов «Часовой» в 1959 году и повесть «Жизнь» в 1961 году. В дальнейшем были изданы следующие книги стихов и прозы: «Крона» (1965), «Молва» (1967), «Ливенка» (1970), «Москвичи с соседних улиц» (1968), «Улетающая любовь» (1973), «Ты — единственная» (1979) и другие.

С 1962 года работает в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

ЛИВЕНКА

Льются веселые ливни
Ровно, к струне струна.
Видно, из ливневых линий
Ливенка сплетена.
Видно, у мастера скальпель
Тоже из ливня был —
Луковки солнечных капель
В ливенку посадил.
Света — как плясок на свадьбах:
Клапаны расцвели.
Свадьбам баяны позвать бы —
Ливенку увели.
Стойте! Ее зацелуют.
Ливенка — ливня дым.
Мчится по избам, танцует
Голубем голубым.
Льется угаристо, хлестко
Девичий голосок.
Маленькая, как наперсток,
Громкая, как свисток.
Вспыхивай ярче, веселье!
Там, где прошла она,
Не отвести новосельям,
Не отцветет весна!

* * *

Светла березовая роща,
Как ты под солнышком, светла,
Ах, это было б много проще,
Когда б ты просто не пришла.

И веселел бы я ночами,
Тебя баюкая во снах,
И ты светила бы плечами —
Как одуванчики в ночах.

И трону их я и не трону,
Свое дыханье затая,
И понесу по небосклону!
Неужто снова ты моя?

Неужто тот, судья твой строгий,
Тебя сегодня прозевал?
Ты на моей стоишь дороге,
Чтоб долго-долго целовал.

А ты ничья, ничья, наверно.
Скользишь меж нами, как меж снов...
Но как с тобою сердце верно
Своих находит соловьев!

МЕЛЬНИЦА

Вижу, вижу брызги, свет —
И не верится:
На замшелом колесе
Речка вертится!
Пену сбросила с себя,
Словно платъице, —
После ветра и дождя
К солнцу ластится.
Брызги мечет к небесам
В створе узеньком,
Бьет мальчишек по ногам,
По картузикам.
Ох, какая канитель
Развеселая!
Села мельница на мель
Рядом с школою.
Сотни лет здесь канитель
Канителится.
Зерна с тридевяти земель
Мелет мельница.
В жерновах звенят струей
С зерном зернышко.

А везде мешки с мукой —
Слитки солнышка.
Тяжелеют на возу —
Гнутся винтики!
Сяду, сяду, увезу
Все на ситники!
В хату, полную гостей,
Солнце влюбится.
Хорошо на колесе
Речка крутится!

* * *

Осень, осень... Приспела пора —
Холодами поля донимает.
И на ров налетают ветра:
Здесь трава зелена, словно в мае.

На ромашке качается шмель.
Он тут свой — и солидней и тише.
И блестит краснозерный щавель,
Трепет крыльев внимательных слыша.

Далеко до вечерней зари.
Шмель весь ров облетит величаво.
Одари его, ров, одари
Сладким медом, таящимся в травах.

По долинам прохлада течет.
Холодеют цветы по долинам.
Гуще стал высыхающий мед,
Неотвязней, прочней паутина.

Скоро ливни, как трубы, взревут.
Шмель укроется в теплом жилище:
Столько меда собрал он во рву —
И последнюю каплю отыщет.

* * *

Покинутая женщина пришла
От очага, сгоревшего дотла,
Пришла на свадьбу.
Дом высок и светел!

А каждый след за нею — пепел, пепел.
И хочется душе из пепла встать —
И пеплом закрывается опять,
И тянется к друзьям своим любимым —
И тихим истекает дымом.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

Русская печь,
Добрая печь,
Хочется лечь,
Спину нажечь.
Не уставая,
Вновь раскались,
Как молодая,
Сильная жизнь.
Пусть кирпичи,
Словно врачи,
Выжмут в ночи
Пота ручьи!
Чтобы с мороза,
Весь ледяной,
Я, как береза,
Ожил весной.
Вновь узнаю
Щедрость твою,
Нежность твою,
Крепкость твою.
Только невечно
Крыльями плеч
Будет беречь нас
Русская печь,
Добрая печь,
Тихая печь...

* * *

Березу высохшую жгли
Туристы деловито,
Ее упавшею нашли
В траншее позабытой.

В наскоках пламенных витков,
Как сдернута береста.

И он сгорел до угольков,
Былой березы остов.

И ночь прошла, и жар погас,
И лес проснулся, светел.
И кто-то в преддвассветный час
Копнул остывший пепел.

Вдруг черный пепел зазвучал —
И стало всем неловко:
Лежал зазубренный металл —
Гора стальных осколков.

Среди березок, трав густых —
Лесного медоноса —
В своем стволе держала их
Сгоревшая береза.

* * *

Кого из нас не долюбила мать,
Не одарив дыханием последним?
Кто не хотел в гостях у мамы спать,
Как маленький, придя сорокалетним?
В тех снах, чтоб, как на мягких скоростях,
Плыть, положив под мягкую подушку
Ум, изощренный в спорах и страстях,
Как заводную детскую игрушку.
Она легка, она сквозит в тепле,
Родных забота, как улыбка деда,
И самовар ведерный на столе,
За чаем крепким нужная беседа.
Мы надо всем в беседе пролетим,
И, взяв котят веселых на колени,
Мы тишью, как иглой, соединим
Клочки и клочья будничных волнений.
Но вот взревет в тиши автомобиль,
И наш покой смахнет он, как отрепья.
А надо всем серебряная пыль, —
Шумят, шумят старинные деревья.
И оборвется, как споткнувшись, речь.
И вдруг пойдем: всего лишь на минуту
Позволили мы прошлому увлечь
Благодаря лишь старому уюту.

И стукнут чашки, самовар остынет,
И нужно в путь — к своим заботам мчать.
И меж сынов себя, как на чужбине,
Почувствует, склонясь в раздумье, мать.

СПЕЛЫЕ ЯБЛОКИ

Дремлет сад, усыпанный плодами.
Яблоки в рассветные часы
Свесили над поздними цветами
Капли голубеющей росы.
Никогда такого не бывало
У хозяйки. Видится все ей,
Как она крапивой отгоняла
От незрелых яблок сыновей.
За сынами углядишь едва ли,
И страшна ли из крапивы плеть...
Яблоки обычно исчезали,
Не успев как следует созреть.
А теперь сыны поразлетелись...
И хозяйка — уж который год! —
Собирает в лиственной метели
Яблоки... Ей ветер их трясет.
Приезжают дети ежегодно,
Погостят и снова улетят.
— Что ж ты, мать, опять грустишь сегодня?
— Да вот... спелых яблок полон сад.

ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНК

Хвощевской средней школе

У кого училась звонам,
У кого училась петь
В нашем крае просвещенном,
Разговорчивая медь?
Мне казалось:
Утром рано
Сыпал звон,
Тревожа сон
Возле школы деревянной
Краснолистый рослый клен.

Нет, я вовсе не был соней!
Он, увидевши меня,
Красноватые ладони
Подавал из-за плетня.
Позабить ли эти встречи!
Где ты, первый мой звонок,
Что когда-то с теплой печи
На урок меня завлек?
И пускай я стал серьезным, —
Бьется, словно огонек,
Для меня в дали колхозной
Школьный маленький звонок.

БРОННИК

Смоленые брови,
Смоленая сталь.
Владычить у горна — железом сверкать.
Свивает в огне,
Распалая огонь,
Кольчужные кольца — застежную бронь.
Проклятое дело —
Ковать для врагов,
Скипевшейся кровью взирать на сынов.
У древнего горна
В деревне родной
Он свой по рождению, по делу — чужой.
Врагов окольчужил —
Хоть деревом стань!
Смертельное бремя — безмерная дань.
Кует он мечи —
Как пожары плодит,
Как будто всю Русь он иссесть норовит.
Кует он мечи,
А вблизи и вдали
Не новые хаты — пожары пошли.
Хрустя головнями,
Пожары взвились —
Века не поднимут подмятую жизнь.
В раздумии бронник, кольчужный ковач:
Весною деревню охватывал плач.
Весною деревню
Тряхнула орда —
И женщин повымела в степи беда.

Пока он, прибитый,
Лежал под стеной,
Умчался ордынец с плененной женой —
С плененной женой,
Как звезда, молодой,
И двор зарастает густой лебедой.
С весны по-степному
Поет, весела,
Увязнув в гребенчатой кровле, стрела.
Вприхромку гуляет
У кузни мурза,
Сощелены злом залитые глаза.
У Русского Брода
Посек он славян,
Десятое лето не ведает ран.
Он бронника хвалит,
И хвалит он меч,
Но хуже пленения льстивая речь.
Кровавый ордынец,
Умерь похвальбы,
Не выкован меч, что срезает дубы,
Что камни срезает,
Что горы сечет,
Что орды в сраженьях навеки кладет.
Разделка с врагами
Еще озарит
И русское поле и дедовский щит.
Ломал, принижая,
Свое мастерство,
Мечи не фальшивят — подводят его.
Готов отрубить
Даже руку свою:
Оружье врагам помогает в бою.
«Ты вовремя, мурзич,
Мой меч похвалил!..
На правое дело меня вдохновил».
И вспыхнуло сердце
Сильнее, чем горн,
И выхватил мурзича меч из ножон.
И князя скосил
Окровавленный меч,
И взвизгнула свита, вскружилась, как смерч.
И спрыгнула с кровли
Кузнечной стрела,
Что ханскую волю, как пес, стерегла.

И кузня взвихрилась
Огнем-скакуном
И в землю ушла за блеснувшим мечом.
И так опалил
Тот кузнечный огонь —
Везде на ордынках рассыпалась бронь.

* * *

Над Куликовым полем зовы к бою!
Невыносимо смертное, оно
Века насквозь раздвинуло собою.
Черно. Навеки кровью сожжено.

И груды тел. И свежих ран горячка.
И копий лес, растущий из плечей.
И конских табунов крутая скачка,
Подстегнутая рубкою мечей.

Где всадники? Гремят пустые седла,
И в конских гривах алы перья стрел.
И гневны ржанья. И притихли села.
И месяц в рослом дягиле присел.

И не закроют никакие травы
Упавших. В них — мечи по рукоять.
И нет через Непрядву переправы,
И можно только до конца стоять.

И ярче, повелительней и строже
Над душной сечей ратный зов трубы:
«Кто жив? Сойдитесь! Кто подняться может?
Восстаньте, вои, супротив татьбы!»

Встают! Державный стяг над головами.
Врубаются в тьму вражью горячей
И рубище крестьянское и пламя
Торжественное княжеских плащей.

Нашлось оно за хлебными полями,
То Куликово поле на Дону,
Где смерть не смерть, а только честь и память
И где стоять им не одну войну.

* * *

От песен стал я часто уставать,
Все реже отличаю их от крика.
А где же песни, что мне пела мать
И в будни и на празднике великом?
Просторные в раздумии своем,
Доступные веселью и печалям.
Домой ли шел
Иль покидал я дом —
Повсюду песен тех не забывал я.
И неподвержен лжи я был и злу,
Где жизнь порой от модных криков стыла,
Где и любовь не верила теплу, —
Там песня-дума сердце молодила.
Кто песни те лукаво подменял,
Ссылая в душу хрипы и надрывы?
В какие дебри залучал меня?
Ему не снятся родники и нивы.
Я в суете не порастратил сил,
И между криков мир не стал мне тесен —
Ни на единый миг
Не изменил
Народной совести протяжных песен.

* * *

На Гремячке красавица вырастет скоро.
Заплетает девчонка большую косу.
Соловьи поджидают девчонку в лесу,
Проступает дорожка в траве у забора.
Кто с девчонкою этой спешит подружиться?
Чье там сердце ответило трепетом ей?
Гляну, гляну: березы повсюду белей,
И заре за туманами долго не спится.
Новый клуб и в сирени и в ярких тюльпанах.
И себя перестроить стремится село.
И мальчишки вздыхают уже тяжело
И спешат научиться играть на баянах.

ЭТА ГОРЕНКА

Эта Горенка,
Как задоринка —
Это искорка на горе.

В ней все дворики,
Как в топориках,
В белых лучиках на заре.
Звонко колется,
Звонко строится,
Поднимается в высоту —
То ли горлица,
То ли горница,
То ли яблоко на свету.
Вся до зернышка,
До воробышка
Конопата она, остра.
Что ни вдовушка —
Крутобровушка,
Что ни девушка — ей сестра.
Эта Горенка
С завихоренкой —
Жара некуда ей девать.
Вышла голенькой
К небу Горенка,
Чтоб запальчивей, жарче стать.
И невестится
Возле месяца...
Для чего красоту беречь?
Как поленница,
Ночью светятся
Облака возле самых плеч.

БАЛЛАДА О ДОМЕ

Везли песок и глину,
Не спали третью ночь.
Два инженера сына
Приехали помочь.

На стенах мастерками
Утюжа кирпичи,
Они над кирпичами
Склонялись, горячи.

От них не отставая
В работе черновой,
Старательный хозяин
От счастья сам не свой.

Он строил стены эти
Потомству своему:
— Просторно будет детям
И с семьями в дому.

...Прошли года степенно
С той радостной поры,
Но в доме красностенном
Не видно детворы.

Их что, убило мором?
Погибли на фронтах?
Нет, нет! Семьи опора
В столичных городах.

Зайду: и чай и блюда.
У каждого жена...
— А дом ваш? — Отмахнутся:
— Там, в доме, старина.

Там деду нет стеснения:
В деревне — свой кругом.
Мы деду на кормление
Отдали этот дом.

Продаст — до смерти будут
И деньги и еда,
А поживет покуда
У близких. Не беда!

...Но я опять в деревне.
И что же вижу я?
Понурые деревья
Уходят от жилья.

И деда нет в помине:
Отжился старый дед.
А внуки в доме ныне
Устроили банкет.

Сошлись из дальних далей
За много лет впервой,
Слетелись, дом продали,
А деньги — меж собой.

Сидят они, пируют,
Гуторят между дел:
— Громадину такую
Как дед наш не проел?

А мог бы...
— Мог бы...
— Мог бы!
А я: — Ваш дед чудак:
Сошел не от хворобы —
Питался кое-как.

Не ведал дед оплошки:
Напрасно внуков звал.
Жил в доме, как в сторожке,
Как сторож умирал.

Кто знал, что внуки скопом
Примчат издалека
Не поклониться гробу,
Останкам старика,

А, жен оставив где-то,
Пожить навеселе
Три дня на деньги деда,
На дедовской земле?..

* * *

В работу вхожу, как в дерево гвоздь.
Работу катаю, как бревна.
И зерна прошли через руки насквозь
И пали в поля удивленно.
Ломаясь, над пашнею бьются ветра.
Я звезды не сею, не вею.
Но в бороздах черных, как угли костра,
Пшеничные зерна желтеют.
Я крепко солю и супы и борщи —
И слово и шаг тяжелее.
И острою солью пропахли лучи,
И небо от соли светлее.
Присмотрена каждая крошка земли —
Без них не подняться веселью.

И руки мои через землю прошли,
В глубинах ее потемнели.
Я пашни держу, как держит гранит,
И мною притянута солнце.
Попробуй на пашне меня пошатни —
Планета со мной пошатнется.

* * *

Такое только женщине дано:
Чтоб на двоих — дыхание одно.
Дано кричать в два голоса, когда
К ребенку подступает беда.
Металл ударит об ее жилие —
Вдвойне грозней металл тот для нее.
Тогда ребенка страху вопреки
Четыре сразу обовьют руки.
Дитя свое помчит на дальний свет,
Четырежды прикрытое от бед.
А из-под рук, боящихся, святых,
Четыре солнца вспыхнут в тот же миг.
Четыре новых вырастут земли,
Чтоб мать с ребенком бомбы не сожгли.

* * *

Засвети, засвети мне тропу!
Я ищу, но тропы не найду
Утонула, как в омут, в траву,
В духоту, в зеленоту.
Я ищу... То ли сон, то ли явь.
Почему зачастили дожди?
Я к тебе снова бросился вплавь.
Ты тропу засвети, засвети!
Почему зной сломался, потух?
Наклонились цветы-крылачи?
Я дожди оборву на лету
И ручьи укачу, как мячи
И промокший — нет нитки живой! —
Ох, как буду к тебе я идти:
Хмурый день покачнет головой!
Засвети мне тропу, засвети!

* * *

Влюбленных судьбы тоже в перелетах —
Свои гнездовья склонны покидать.
И манит их неизъяснимо что-то,
Хоть есть кому их нежно обнимать.
И, отрекаясь часто от уюта,
От колыбели непорочных лет,
Страдая, ищут за дверями чуда,
Грустя, чужой любви целуют след.
И я гляжу смятенно в эти лица,
И я теряюсь перед их тоской.
Что им еще среди любимых снится?
Какая даль? Души полет какой?
Какая сила делает моложе
И сокровенней переливы рук?
О, как они сиянье жизни множат
И как печалью накрывают вдруг!
В дыханьях, таинственно сквозящих,
Во взглядах удивленно-золотых,
Я узнаю всех, от любви летящих,
А без нее всех падающих, их.

* * *

Священны наблюденья наши.
И в каждом встреченном пейзаже
Не просто ландыши и клены,
А сердца угол затененный.
Священен трепет познаванья.
И нас волнует прикосанье:
Непотрясенные глубины —
Они по-девичьи невинны.
Священна свежесть удивленья.
Нам в быстро тающем смущенье
Дано, хотя бы на мгновенье,
Почувствовать миров рожденье.

ЦВЕТОК

Стоит цветок на склоне рва
Среди камней, на глине жесткой.
С весны сгорела там трава,
А он расцвел свежо и броско.

Чернели трещины кругом
С краями острыми, стальными,
А он высоким стебельком
Держал созревший мед над ними.

Тот ров безжизненный глубок,
И желтизна в нем с жаром схожа.
И люди видели цветок
И проходили не тревожа.

Он полыхал. Ведь, может, он
Затем сюда и перебрался,
Чтоб этот рыжий мертвый склон
Однажды жизни отозвался.

И, корешком не омертвев,
Камням противился и зною,
И соки сделали, вскипев,
Его окраску голубую.

ЗАРЯ

Ветер мимо белых вишен
Перешел речонку вброд.
Загорелась ночь,
Все выше
В небо зарево ползет,
Ты не бойся,
Нет пожара —
Это тихая заря:
Ночь к другим влюбленным парам
Улетает за моря.

НАЧАЛО ВОИНЫ

Пляшет, пляшет, дико пляшет
По пшенице старый конь:
Вздыбит гриву — солнце смажет,
Подомнет в хлебах огонь.
И откуда только взялась
Тут, в хлебах, средь бела дня
Эта дикость, эта ярость
У спокойного коня?!

Вез ребят в телеге в поле —
Вдруг заржал, крутой и злой,
Вскинулся, сломал оглобли,
И пошел кружить юлой,
И пошел сверкать зубами...
Ни людей и ни пути.
Сверху пламя, снизу пламя,
Хлеб, как пламя, закрутил.
Бьется конь о воздух черный,
Все ревет и пляшет с ним:
Небо сыплет сверху зерна,
Снизу режет острый дым.
Свист и рев такой, что уши
Хочет конь себе зажать.
Он на двух копытах кружит —
На четыре
Негде встать.

МАТЬ И СЫН

Фашисты оставили Кромы.
От сына явилось письмо:
«С полком я прошел мимо дома,
С тобой повидаться не смог».
Соскучась по сыну в разлуке,
Закрыла мать домик родной,
С обозом пришла в Семилуки —
А сын уже был в Лозовой.
В лихую страду фронтovou
Пройдя через Старый Оскол,
Попала она в Лозовую —
А сын на Полтаву ушел.
В окопы входила чужие,
Густая слепила зола.
Вошла в отвоеванный Киев —
И дальше на запад пошла.
Ходила от ада до ада
И сына нашла своего:
Цветы положила в Карпатах
На братской могиле его.

МОНУМЕНТ

На Пососенских рубежах
Слышу гул сражений вчерашних.
Здесь, на ливенских кручах наших,
Был и рублен и колот враг.
Здесь стояли кремневой стеной
Над пожарищными веками
Деды, в сечах кипя мечами, —
Стражи Ливен, земли родной.
Так встречали врага они,
Что остались в памяти живы.
Так хранили песни и нивы —
Откатали от них огни.
Из горячих времен седых
Предков к нам перешла отвага —
С гневом выжгла нутро рейхстага,
Возвеличив сынов своих:
На державном свету веков
Их, израненных, изваяла.
Круча древняя выше стала,
Чтоб держать высоко сынов.
Ширь отеческую спасли,
Их священна свободе верность,
Ярче видится наша древность
На спасенном свету земли.

* * *

Этой ливенской шире — века!
Я ли первый гляжу и немею?
Широка моя ширь, широка —
О пределе подумать не смею.
За березою — дуб или клен,
Или девичий смех у колодца.
И с рассвета во весь небосклон
Пар клубит самоварное солнце.
Кто плясать не учился в лучах,
На заре уходя от любимой?
Кто не вырос от ливня в ночах,
Поджидая ее под рябиной?!
Нас нашли в заповедный тот час
Нежность ветра и нежность капли.
Эти шири пружинят у нас
Молодеческой радостью в теле.

Развернусь, как по кромке пройду
Тех веков, что сложились в сказанья.
Я у новых берез твоих, Русь,
Выверяю свои расстоянья.

* * *

Не ищи по всем дорогам
Нежности и света,
Ходишь много,
Ищешь долго
На исходе лета.
Иль тебе листвою густою
Заслонило очи?
Иль окно твоё смолою
Залепили ночи?
Ты иди по той дорожке
У оградок синих,
Мимо брошенной сторожки
И — через рябинник.
Иль тебе на горки тяжко
Подниматься стало?
Или желтая ромашка
Удивляет мало?
Отряхну метлою росы,
С кочергой не встречу
И на все твои вопросы
Весело отвечу.
Иль от знаний заплешивел,
Или от стараний?
Иль не знаешь, как красивых
Обнимают парни?
Мне с собою нету слада —
Как сгорают ситчик.
От синтетики девчата
Похудели нынче.
Ни Татьяна, ни Полина
Не приучат к зною.
Или мне тебя насильно
Увести с собою?!

СНЕГИРИ

Снег просторы обновил
И по всей деревне
Снова выпустил свои
Белые деревья.
Ветки их нетяжелы,
Инеем вспушились.
И огнем из-под полы
Снегири явились.
В белых ветках, где ни сядь,
Солнце светит ясно.
Так бело, что и летать
Можно только в красном.

ЗНОЙ

Все лето ливень лил густой,
Непроходимый, откровенный.
И вдруг лимонно-желтый зной
Разлился, добрый и степенный.
Такой у зноя аромат:
Вдохнешь — сильнее станешь вдвое.
И пчелы, кажется, спешат
Наполнить ульи этим зноем.

ОРЛОВСКИЙ БУДИЛЬНИК

Он родился, подбоченясь,
Меж орловских петухов,
Что на зорьке, в тихих сенях,
Полыхают ярче снов.
Поредели, оробели
Петухи в моих краях.
Заполняет он пробелы
В наших каменных домах.
Он веселое служенье
Петухов понять сумел —
Пробуждает вдохновенье
Каждодневных наших дел.
Словно два великих мира,
Разделяет явь и сон
Так, что каждая квартира
Жадно ловит верный звон.

Он в своей ученой эре
Царским гласом волевым
Сны людей рабочих сверлит
Утром с временем самим.
Но я слышу не впервые
В добром звоне по утрам
Грусть будильников России
По пропавшим петухам.

ТРАВА-МУРАВА

Не бьется мама, как бывало,
Среди забот, среди детей.
И в тишине она устала,
Одна живя на склоне дней.
И мурава пошла сильнее
Под вишнями и под окном.
И потеснились перед нею
И старый сад и старый дом.
Трава как вышла в мир впервые,
Где часты птицы и ежи,
И с нею истины простые
Вернулись к матери в тиши.
Сыны ушли. На стежках прежних
Следы сынов позаросли.
Проглянула в муравах нежных
Острей задумчивость земли.
Мать в травах сядет, травы тронет...
Они — как прожитые дни.
И с каждым днем шаги спокойней,
Слабей, забывчивей они.
А мурава прижалась к хате,
Она за мамою идет,
Вот-вот всплеснется и подхватит —
И маму в песню унесет.

СЫНОВЬЯ

Один погиб в боях у самой Волги,
Другой погиб на Северском Донце,
А третий пал в разведке в Таганроге,
Четвертый — в тесном вражеском кольце.
Искала мать могилы их святые,
Скончалась в скорби...

К ней под сень дубков
И с Украины
И с полей России
Пришли могилы четырех сынов.

ОЗОРНАЯ ЛИВЕНКА

Озорная Ливенка,
Ты когда грустишь?
До чего щекотная
Над тобою тишь!
Кто в траве хоронится
Возле тростника?
Почему там видится
Девичья рука?
До небес высокая,
Таволга, не мнись!
К той пугливой, шелковой
Крепче прислонись.
Подберется, юркая,
К Ливенке она,
Только небу чистому
Да воде видна.
Озорная Ливенка!
Подхвати ее,
Перепутай с мятою
Нежное белье.
Волны переполнились
Трепетом лучей.
Хохотушка-сверстница
Подплывает к ней, —
Статные, молочные
Шеи высоки.
Речка удлиняется,
Гибче тростники.
Что с тобою, Ливенка?
Не было б беды!
Ходят плечи девичьи —
Мягкок пляс воды.
И летит на плечи им
Серебра накат
Так, что разбегаются
Взгляды у ребят.
Залегли в ветлиннике —
Хоть комар заешь!

Красотою девичьей,
Ливенка, утешь.
Где ж полюбоваться им
Пышной белизной?
В речке тело девичье —
Как подводный зной.
Катятся колечками
Волны к берегам.
Терпеливой, Ливенка,
Будь к озорникам!

МУШКА

Ушла от старого хозяина,
Веревку прелую порвав,
Бродила в селах по окраинам,
Спала среди осенних трав.

Остановилась неуверенно
Напротив нашего крыльца
И сиротливо и растерянно
Посторонилась от отца.

Промчались к речке гуси с гомоном.
Отец заметил злой оскал.
Ей улыбнулся, как знакомой, он —
И Мушкой вдруг ее назвал.

Ей показалось что-то в сказанном,
В его звучании сродни:
Пропали вдруг ее отчаянность
И недоверия огни.

Свалились шарики репейника,
Когда в слепящую жару
Отец надел ремень ошейника
И показал на конуру.

Над конурой пушились веники.
И рыжая, как листопад,
В ней принесла нам Мушка беленьких,
Скулящих, трепетных щенят.

Сама нисколько не красавица,
Но славно сторожит жилье.
И по деревне расселяются
Щенята белые ее.

ПЕРВОЦВЕТ

Падал свет
Столько лет!
От весны
Снова свет!
В почки бьет!
В корни бьет,
В крылья бьет
И зовет,
И зовет,
И несет,
И несет
В синий край —
В небосвод.
В те края,
Где, горя,
Солнце пашет поля;
Где и ветер широк,
Где и полдень широк,
И гремит у дорог
Желтой медью сапог
Лес, колюч и высок,
Где среди медуниц
Ландыш колоколиц
Свет несет
И несет
В тишину,
В тишину!
Не пройду,
Загляну...
Ах, там спит у сосны,
Не таясь от весны,
В глубине тишины,
Вся в зеленом,
Лесном,
Под кукушечий гром,
Под упавшим лучом
И под певчим дроздом —
Спит, тревогой согрет,
Озорной первоцвет
Восемнадцати лет.
Шевельнулась...
Не спит!
Что хранит?

Что таит?
Так лежит,
Как летит!
Так глядит она вверх,
Что и небо, как смех.
И глаза, как дымки,
Плечи, словно дымки,
И рукою манит —
И не видно руки.
Так манит,
Так манит,
Что летит и летит —
И уводит в зенит...
Падал свет
Столько лет!
От весны
Снова свет.

БОЛЬШИЕ ЖЕНСКИЕ ГЛАЗА

В таких глазах
И небо выше.
И сам ты небо достаешь.
Ты с ними, слово лишь услыша,
И песню сложишь
И споешь.

В таких глазах
Увидеть можно
Земли любую красоту.
Они — как птицы на лету! —
Над всем проходят
Осторожно.

Кто женщин, с долей их земною,
Живую тайну не постиг —
Глаза большие их
Святою
Сияют мудростью людскою
У самых женственных из них.

* * *

Возьми с собой!
Ты нынче так красива...
Тебя одну сегодня не пушу.
Ты светишься,
Как на рассвете ива,
И рядом ты,
А я тебя ищу.
А ведь глядел,
Глядел все годы мимо
И говорил как будто не с тобой.
И жизнь была
Такой нещутимой —
Ни жаркой,
Ни холодной.
Никакой!
И потому я разучился видеть
В простом — большое,
В радости — тебя.
И было всем легко тебя обидеть,
Я слушал жизнь,
Как песню воробья.
А жизнь светла!
Мы смех не позабыли.
С тобой иду, и юн и светлолиц.
И не пойму,
Зачем земле обилье
Цветов и звезд
И этих певчих птиц.

* * *

А ты распахивала свет
До боли, до тревоги?
А ты несла, как амулет,
Его во все дороги?
Ты молодеда с ним в ночи?
А плакала ты светом,
Когда тянулись рогачи
За ним, как за обедом?

А ты скажи, в какой карман
Его, как мелочь, клала?
Какой позор, какой обман
За свет ты выдавала?
Тебя простынной белизной
Высвечивали вещи.
Я горе взвею над тобой,
Чтоб загорала крепче.
Ты даже в прошлом не была
Ни ласковой, ни юной.
Как сон без смысла и тепла,
Тебя я светом сдунул.

* * *

Где-то есть на земле эдельвейсы —
Белизна недоступных вершин,
А со мной мои дольные веси —
Ключевина моих ключевин.
Оглянусь! То ли свет, то ли посвист,
То ли шепот преданий и струн,
То ли кто-то свидания просит,
Востроглаз, и доверчив, и юн.
Я еще и отзывчив и крепок —
За плечом перекаатится гром.
Эти частые просветы неба —
Как улыбки друзей за столом.
Отзываюсь! Как будто и солнце
Первых встреч моих не протекло.
Славно юность веселая жжется!
Славно жжется ночами село!
Вздоргну в первом ночном разговоре,
И, как дедам в далеких веках,
Сокрушительно свежие зори
Не дадут устоять на ногах.
Белый свет в колосках открываю,
Слышу нежные вздохи глубин,
Приникая к родимому краю —
Ключевине моих ключевин.

* * *

Это все-таки чудо!
Я хожу по земле.
Это все-таки трудно
Быть в огне и в золе.
В этой жизни все светит!
И грачи надо мной,
Словно добрые черти,
Раскричались весной.
Что сулит мне погода?
Так мне хочется петь
И, за тень самолета
Ухватившись, лететь.
От восторга чтоб горло
Было жарким, как зной.
Чтоб одежду истерло,
Как на санках зимой.
Это все-таки чудо —
Мчаться, свет теребя,
Прыгать в небо, покуда
Держат ноги тебя.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ливенка	3
«Светла березовая роща...»	3
Мельница	4
«Осень, осень...»	5
«Покинутая женщина пришла...»	5
Русская печь	6
«Березу высохшую жгли...»	6
«Кого из нас не долюбила мать...»	7
Спелые яблоки	8
Школьный звонок	8
Бронник	9
«Над Куликовым полем зовы к бою!»	11
«От песен стал я часто уставать...»	12
«На Гремячке красавица вырастет скоро...»	12
Эта Горенка	12
Баллада о доме	13
«В работу вхожу, как в дерево гвоздь...»	15
«Такое только женщине дано...»	16
«Засвети, засвети мне тропу!»	16
«Влюбленных судьбы тоже в перелетах...»	17
«Священны наблюденья наши...»	17
Цветок	17
Заря	18
Начало войны	18
Мать и сын	19
Монумент	20
«Этой ливенской шири — века!»	20
«Не ищи по всем дорогам...»	21
Снегири	22
Зной	22
Орловский будильник	22
Трава-мурава	23
Сыновья	23
Озорная Ливенка	24

Мушка	25
Первоцвет	26
Большие женские глаза	27
«Возьми с собой!»	28
«А ты распахивала свет...»	28
«Где-то есть на земле эдельвейсы...»	29
«Это все-таки чудо!»	30

Михаил Александрович БЕЛЯЕВ
БРОННИК ДРЕВНИХ ЛИВЕН

Редактор Д. К. Иванов

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 22.05.84. Подписано к печати 31.07.84.
А 00396. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура
«Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд.
л. 1,65. Тираж 92 000 экз. Изд. № 1971. Заказ № 2811.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

ВРУЧЕНИЕ ПОДАРКОВ

● ЕСЛИ ВАШИ БЛИЗКИЕ—ДАЛЕКО...

Открытка, телеграмма, бандероль...

Как еще можно поздравить друзей и близких с праздником или семейным торжеством, если Вы не можете сделать это лично?

Поздравить от Вашего имени, вручить подарок, конфеты и цветы могут работники бюро бытовых услуг.

Для этого достаточно сделать заказ в бюро бытовых услуг города, где Вы живете.

Росбытреклама